

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern.. 70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 6 (386)
17-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, г. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прим. по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11 — 1 ч.

25 Марта 1937 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

На помощь героическим борцам Испании!

Ф. Дан. Лондонская международная конференция.

Р. Абрамович. Плебисцитарная рационализация.

А. Югов. «Штурмовщина» и «сидиотское благодушие».

С. Ш. Конец «треугольника».

Международная конференция по испанским делам.

За границей: На французском Народном Фронте. — Съезд испанской соц. молодежи. — К московским процессам.

По России: Москва. — Слухи о процессах. — Заговорили.

— Дискредитация власти. — Размах репрессий. — Чи-

стка аппарата на окраинах и в центре. — Разгром «идеологов».

— Борьба в Политбюро. — Каганович и Постышев на подозрении.

— Главные удары по коммунистам.

— Тревога беспартийной интеллигенции.

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

Фельетон: В. Александрова. Литературная бюрократия наступает.

На помощь героическим борцам Испании!

Международная конференция, созванная РСИ и МФПС (отчет о ней см. ниже), и посвященная героической борьбе испанских республиканцев, приняла нижеследующие постановления:

Резолюция.

Конференция, созванная РСИ и МФПС по предложению испанских товарищей и заседавшая в Лондоне 10-11 марта, шлет прежде всего свой привет испанскому народу, который с таким великодушным мужеством ведет борьбу против об'единенного фашистского мира, защищая одновременно со своей свободой свободу и мир Европы и всего света.

С первых же дней борьбы оба Интернационала не переставали разоблачать перед международным общественным мнением ее характер. События полностью подтвердили их оценку. Сейчас для всех очевидно, что мы присутствуем при акте расчитанного нападения фашистских Италии и Германии на Испанию и что Испании, по верному слову президента Азана, приходится вести не гражданскую войну, а войну за свое национальное освобождение. Нарушая взятые на себя обязательства, фашистские державы не только вооружали мятежников и снабжали их амуницией, но доставляли им авиацию, которой у мятежников не было, а быть может, и военный флот. Более того. Они высадили в Испании круп-

ные вооруженные и организованные силы, общая численность которых равняется нескольким армейским корпусам. И то обстоятельство, что этих людей называют «добровольцами», нисколько не изменяет характер преступления, совершенного против международного права.

А в то же время, став жертвой нападения, составляющего такое очевидное нарушение пакта Лиги Наций, Испания не только не получила ни в каком отношении той помощи, на которую имела законное основание рассчитывать, но была лишена нормального права покупать на вольном рынке самые необходимые для ее защиты предметы. Оба Интернационала не переставали протестовать против подобного положения.

Очевидную несостоятельность системы, которая, как это выяснилось на практике, никоим образом не оправдывает прилагаемого к ней названия «невмешательства», пытаются теперь исправить применением контроля. На основе всего предшествующего опыта Интернационалы отнюдь не имеют уверенности в том, что принимаемые меры окажутся способными действительно улучшить положение. При наличии явной недобросовестности фашистских держав понадобится много времени для сформирования того корпуса наблюдателей, который предполагается разместить на судах, и в течение всего

этого времени снабжение мятежников будет продолжаться, между тем как снабжение правительственных войск будет прекращено. Совершенно недостаточно закрыта португальская брешь. Мы протестуем против того, что надзор за средиземно-морскими берегами Испании Комитет по невмешательству поручил германскому и итальянскому флотам, так определенно кооперирующим с силами мятежников. Если, как можно предвидеть, опыт докажет, что принимаемые ныне меры не прекратят в ближайшие же недели помощи, оказываемой мятежникам фашистскими державами, то обязанностью организаций, примыкающих к обоим Интернационалам, будет еще с большею настойчивостью добиваться всеми имеющимися в их распоряжении средствами перехода к политике, обеспечивающей испанской демократии возможность приобретать на вольном рынке все, необходимое ей для самозащиты.

Присутствие в Испании иностранных армий под видом добровольцев является нарушением государственного суверенитета и вызовом демократическим державам. Проектируется увод из Испании в сражающихся там ныне иностранцев. Положение действительных добровольцев, во имя идеала сражающихся в рядах международных бригад за свободу народов, по существу отлично от положения наемников, предоставляемых фашистскими диктатурами в распоряжение Франко. И тем не менее испанское правительство выразило готовность согласиться на отзыв всех сражающихся в Испании иностранцев. Но отзыв этот допустим лишь в том случае, если он действительно будет проведен на обеих сторонах одновременно, если серьезной и двусторонней анкетой будет установлена действительная численность имеющихся в Испании итальянских и германских солдат, и если мера эта будет распространена и на марокканцев, которые, будучи подданными султана, тоже являются иностранцами.

С каждым днем становится все очевиднее, что испанская проблема сможет быть разрешена, мир сможет быть восстановлен и опасность всеобщего пожара устранена лишь на основе верности той политике коллективной безопасности через посредство Лиги Наций, которую не переставали защищать оба Интернационала. Воля фашистских держав к войне становится все более несомненной. Каждый выпадающий на их долю успех лишь укрепляет их в их намерениях. Остановить их может лишь решительный образ действий мирных народов. Мир — общее благо народов, он неделим. Лишь общими усилиями их он может быть сохранен или восстановлен.

Оба Интернационала отдадут себе ясный отчет в том долге солидарности, который возлагают на них обстоятельства. Они не остановятся ни перед какими жертвами для выполнения этого долга.

Их восторженная и безоговорочная моральная поддержка была всегда обеспечена испанским товарищам. Они оказывали им, во всех возможных формах, и материальную поддержку. Они постараются еще усилить ее. Но они напоминают всем своим секциям, что самая драгоценная помощь, какую мы можем оказать борцам, ведущим бой не на жизнь, а на смерть за дело, которое является и нашим делом, заключается в мобилизации того мирового общественного мнения, от которого в конечном счете будет зависеть исход борьбы.

Только потому, что это общественное мнение было плохо осведомлено или равнодушно, стало возможным

нападение. Только потому, что оно не оказало достаточной поддержки правительствам, благожелательным к испанской республике, и не произвело необходимого давления на правительства, недоброжелательные к ней, так слабо проводилась до сих пор в жизнь политика отстаиваемая обоими Интернационалами. Лишь сами народы могут исправить положение, становящееся столь опасным. Социалистическая и профсоюзная пропаганда могут зарегистрировать уже значительные успехи. Сознание проясняется, умы приходят в движение. Надо удвоить усилия. Если все наши организации полностью исполнят свой долг, победа наших испанских товарищей может стать более верной и более скорой. Международный мир еще может быть спасен.

Телеграмма Ларго Кабальеро.

Ларго Кабальеро, председателю Совета Министров, Валенсия.

Международная Конференция по испанским делам, созванная, по предложению Всеобщего Союза Испанских Рабочих, Международною Федерациею Профессиональных Союзов и Рабочим Социалистическим Интернационалом и собравшая в Лондоне делегатов всех представляемых ими рабочих организаций всей Европы, приветствует в Вашем лице законное правительство Испании, испанский народ и народную армию, которая на подступах к героическому Мадриду, на подступах к Овьедо, на Арагонском и других фронтах борется за свободу и независимость Испании против мятежной военищины и против нападения международного фашизма.

Согласно принятой ею резолюции, конференция заверяет Вас, что в ближайшие дни и недели все рабочие силы, сплоченные в примыкающих к ней организациях, все социалистические массы будут брошены в энергичную кампанию за республиканскую Испанию.

Постановления.

1. Оба Интернационала постановляют опубликовать документы, относящиеся к происхождению и характеру борьбы, ведущейся в Испании.

2. Интернационалы усилят свою агитационную кампанию в целях безудержного осведомления общественного мнения всех стран об испанских событиях. Их Бюро обсудят вопрос о целесообразности организации в интересах этой пропаганды Международной Недели.

3. Парламентские фракции примыкающих партий будут тщательно следить за испанскими событиями и пользоваться всеми подходящими поводами для разоблачения всех нарушений международного права, совершаемых фашистскими державами в явный ущерб законному правительству Испании.

ТОВАРИЩ,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

Ф. ДАН.

Лондонская международная конференция

Конференция партий и организаций, примыкающих к Социалистическому и Профессиональному Интернационалам, собралась в самые тревожные для наших испанских товарищей дни. В эти именно дни совершенно открыто выступили на фронте мятежников регулярные итальянские дивизии, в изобилии снабженные самым усовершенствованным оружием итальянского же происхождения. С юго- и северо-востока враг быстро продвигался к путям, соединяющим столицу испанской республики с Валенсией, ее главным морским портом и местопребыванием ее правительства. Казалось, железное кольцо блокады вот-вот сомкнется вокруг обвешанных славою героических защитников Мадрида. Реляции мятежного штаба предсказывали его падение в ближайшие дни.

Никто из участников конференции не закрывал глаз на серьезность положения, и меньше всего именно делегаты, прибывшие из Испании, склонны были баюкать себя и других утешительными иллюзиями.

И тем не менее именно испанские товарищи предостерегали конференцию от расслабляющего волю к действию пессимизма, от представления, что уже «все потеряно» и что поэтому все равно «ничего уже не поделаешь». Они выражали уверенность, что, благодаря до сих пор сохраняющемуся превосходству республиканской авиации и, больше всего, благодаря тому революционному духу, который одушевляет борцов республики и поднимает их героическую стойкость на уровень, совершенно недоступный принудительно посылаемым в Испанию войскам итальянского и германского фашизма, удастся отбить и новый, небывалый по силе и напористости натиск мятежников на Мадрид, — и, как известно, дальнейший ход событий уже в значительной степени оправдал эту их уверенность.

Но они в то же время настойчиво указывали, что и самого высокого революционного героизма может оказаться, в конце концов, недостаточно, чтобы одержать решительную победу — не над мятежниками, а над двумя мощными фашистскими державами, Германией и Италией, ведущими войну, без формального объявления ее, против Испанской республики, лишенной в результате политики так наз. «невмешательства» возможности доставать нужное ей оружие. Призывом к действию звучали страстные речи испанских товарищей — к действию во имя спасения не только испанской республики, но и всесветной демократии и всесветного мира, которым угрожает победа фашизма в международной войне, начавшейся в Испании, если эта война не будет задушена в зародыше разгромом Муссолини и Гитлера и их испанских ставленников.

Можно с удовлетворением констатировать, что пламенные призывы испанских товарищей не остались без влияния на настроения конференции и, в особенности, на настроения делегатов таких основных сил Социалистического Интернационала, какими являются Британская Рабочая Партия, с одной стороны, массовые партии скандинавских и при-скандинавских стран, с другой.

Если в начале конференции и тех интернациональных заседаний, которые ей предшествовали, выступления ряда товарищей были отмечены печатью недостаточного понимания того международного значения, которое уже приобрели испанские события, стремлением «отсидеться» от них в своих национальных углах и

изолировать испанский очаг, а потому и готовностью принципиально принять политику «невмешательства», изыскивая лишь способы устранить те «маленькие недостатки механизма», которые будто бы только и повинны в фактическом превращении ее в политику одностороннего «вмешательства» в пользу мятежников, — то к концу конференции о такого рода настроениях и иллюзиях уже ничего не было слышно. Наоборот, как читатель может убедиться из печатаемых ниже материалов, и заявления скандинавских делегатов, и речь представителя голландской партии не оставляют уже места никаким иллюзиям насчет эффективности политики «невмешательства» и тех новых мер (контроль, отзыв «добровольцев»), которые принимаются для придания ей «двустороннего» характера.

И никто иной, как тов. Эттли, лидер рабочей фракции английского парламента, констатировал в своей заключительной речи банкротство политики невмешательства, заявил о глубоком недоверии Рабочей Партии к соглашению о контроле и к испанской политике консервативного английского правительства вообще, над которой «тяготет еще дух соглашения Хора-Лавала с его расчетами на Муссолини», и провозгласил необходимость радикального пересмотра всей политики демократических держав в испанском вопросе, если, как это представляется в высшей степени вероятным, и новые меры окажутся лишь водой на мельницу испанских мятежников и стоящего за их спиной германо-итальянского фашистского блока.

Отказ от политики невмешательства не означает еще того активного вмешательства в пользу испанских республиканцев и против фашистской тройцы Гитлер-Муссолини-Франко, о возможности которого говорил голландский товарищ.

Такое активное вмешательство может оказаться неизбежным, если германо-итальянский фашизм будет с все возрастающим упорством развивать свое наступление на Испанию. Оно, несомненно, будет включать в себя, как говорил тот же голландский товарищ, риск европейской и мировой войны, и риск этот будет расплатой за ту политику непрерывного отступления перед наглостью и угрозами фашизма, которую в течение ряда лет практиковали демократические державы, которая такое яркое выражение получила во время разбойного похода Муссолини на Абиссинию, и логическим последствием которой явилась политика «невмешательства» в испанские дела. Но в то же время такой риск может оказаться единственным шансом предупредить переростание испанской войны в войну мировую, принудить германо-итальянский фашизм к капитуляции, приостановить его дальнейшее наступление на Чехословакию, Австрию, Балканы, Францию, Советский Союз и предотвратить порабощение всей Европы фашистской диктатуре.

Пока, однако, речь идет еще не о таком активном вмешательстве в пользу испанских республиканцев. Речь идет лишь о том, чтобы, — заранее учитывая неизбежное и скорое выяснение несостоятельности и тех новых мер политики «невмешательства», которые вводятся в виде контроля и проектируются в виде отзыва «добровольцев», — требовать восстановления тех прав испанского правительства на свободную закупку необходимого ему оружия, которые неоспоримо принадлежат ему по нормам международного права, и дать ему

на деле ту международную защиту от нападения, которую на бумаге гарантируют ему пакт Лиги Наций и основанная на этом пакте система коллективной безопасности.

Отказ правительству испанской республики в этом минимуме означает вопиющее нарушение всех норм международного права в ущерб ему и в пользу мятежников и настоящую капитуляцию всех объединенных в Лиге Наций государств перед фашистским разбоем. И этот именно минимум, — который, с поразительным самообладанием и трезвым учетом всех внутренне- и внешне-политических трудностей, стоящих на пути и к его проведению в жизнь, приняли и испанские товарищи, — лег в основу той международной платформы по испанскому вопросу, которая была выработана конференцией и явилась главным плодом ее работ.

Внешне-политические трудности этого рода достаточно известны. Целый ряд государств озабочены больше всего тем, чтобы остаться, по возможности, «в стороне от драки» и не портить своих отношений с фашистскими Германией и Италией. Их опасливая пассивность могла бы быть преодолена, если бы они могли прислониться к мощному «антифашистскому» блоку. Но созданию такого блока мешает больше всего линия поведения консервативного правительства Англии, в политике которого социальное отталкивание буржуазии от связанных с испанскими событиями революционных перспектив до сих пор побеждает даже совершенно очевидные империалистические интересы ее. Так создается международная обстановка, в которой оперирование в рамках политики «невмешательства» принудительно навязывается не только правительству Народного Фронта Франции, но и большевистскому правительству Советского Союза.

Но, помимо трудностей внешне-политического характера, борьба социалистического рабочего движения против политики невмешательства наталкивается и на

огромные трудности внутренне - политического характера.

В ряде стран представители социалистических партий входят в правительства или возглавляют их. Но нигде еще исключительной социальной опорой таких правительств не являются силы, которые позволили бы им вести чисто социалистическую политику. Везде, в том числе и во Франции Народного Фронта, им приходится учитывать настроения не только отсталых слоев самого пролетариата, но и тех мелкобуржуазных «трудящихся классов» и представляющих эти классы партий, при поддержке которых, при соглашении или союзе с которыми они только и могут существовать. Везде их политика движется еще не только в экономических, но и в социально-политических рамках капиталистического общества. И вследствие этого политика этих правительств, и внутренняя и внешняя, и, в частности, политика их в испанском вопросе, отнюдь не «стопроцентно» совпадает с той политикой, которой требует социалистический авангард рабочего класса.

А между тем в ряде случаев сохранение таких правительств повелительно требуется не только национальными интересами пролетариата данной страны, но и общими интересами международного рабочего класса. Это в особенности относится к французскому правительству Народного Фронта, крушение которого было бы по единодушному мнению всего, не только социалистически и профессионально, но и коммунистически организованного пролетариата величайшим ударом для всего французского и международного рабочего движения и, в частности, для тех трудящихся республиканской Испании, которые так героически борются за свою свободу.

Какой-же выход из этого противоречия? Конференция — и в смысле внесения ясности в постановку вопроса большую роль сыграли как раз французские товарищи — указала этот выход. Правительства, поскольку их сохранение признается полезным в интересах со-

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Литературная бюрократия наступает

Памяти Пушкина и подготовке к предстоящей 20-ой годовщине Октября посвящен был состоявшийся 22-25 февраля IV пленум правления Союза советских писателей. Хотя официальные руководители союза всячески пытаются подать эти две темы, как одну, подчеркивая их внутреннюю связь, за этими двумя темами стоят две различные, борющиеся друг с другом установки литературной политики. За Пушкиным скрывается дальнейшая проработка проблем «культурного наследия», учеба у классиков, подкрепленная сегодняшней ориентацией на «народность», борьба «за качество» литературных произведений и против «вульгарного социологизма». За подготовкой к 20-летию Октября на деле кроется усиление псевдо-романтической струи (Вишневский), усиление «оборонной литературы» (Виктор Гусев, Лавренев) и ура-барабанной лирики (Безыменский, Алтаузен, Луговской).

Оба направления находятся в состоянии напряженной войны друг с другом. Сторонники «учебы у классиков» шли на пленум в повышенном настроении: огромный успех пушкинских дней, большая работа, проделанная ими для популяризации Пушкина, сочувственный отклик этой работе в Европе — все говорило за то, что

«переходящее знамя» литературного руководства останется за ними.

Но противоречия советской жизни с самого начала злым сквозняком ворвались в торжественную обстановку съезда. Захлопали двери, зазвенели стекла, полетели авторитеты. Началась расправа. С ней пришла и ее неизменная спутница — склока. А со стены глядел на это побоище огромный Пушкин и думал: «Знакомая картина»...

Но перечень искупительных жертв новейшей литературной политики сначала как будто даже мало помогает уяснению существа новейшего «ориентира». В самом деле: Разгрому подверглись критики: Усиевич, Мустангова, Мазнин и др. — в различных вариациях выразившие официально-терпимую «левую» установку в литературной критике. В свете борьбы с «троцкизмом» эта расправа понятна. Но одновременно жестоким нападкам подверглись не только лежащий Бухарин, но и Мирский и редактор «Нового Мира» Гронский, представляющий в литературной общественности наиболее многочисленную группу партийной и непартийной советской интеллигенции, строившую свои расчеты на представлении о мир-

циалистического пролетариата, и одушевленные самыми лучшими намерениями, в состоянии делать лишь то, что они могут делать в данных, реальных условиях их существования. Задача организованного рабочего движения, помимо той всесторонней помощи, которую оно «автономно», своими собственными силами и методами в состоянии оказывать испанским товарищам, — неустанно пропагандировать ту политику, проведения которой оно хочет. В мобилизации общественного мнения все более и более широких слоев населения в пользу своей политики организованное рабочее движение имеет то реальное орудие, которым оно может воздействовать на политику правительства.

Говоря совершенно конкретно, очередная задача заключается в том, чтобы давлением неудержимо нарастающего общественного мнения заставить консервативное правительство Англии отказаться от той, по малой мере двусмысленной, политики, которую оно ведет по отношению к фашистскому нападению на испанскую республику, с одной стороны, а с другой, помочь социалистическому возглавлению французского правительства Народного Фронта освободиться от тех оков, которые связывают его, и дать ему возможность перейти к той политике открытой солидарности с испанскими республиканцами, которой хотят социалисты всего мира и которой и оно, как само неоднократно заявляло, не может не хотеть.

Сама лондонская конференция, по условиям, в которые она была поставлена консервативным правительством Англии и о которых сказано в другом месте, не могла сыграть роли непосредственного и могучего возбудителя общественного мнения. Но она дала социалистически и профессионально организованному рабочему движению всего мира ту платформу, на основе которой это движение должно вести повсеместную и неустанную агитацию, и указала те пути, по которым оно должно идти, чтобы создать мощное общественное движение в пользу пересмотра обанкротившейся политики

ном спуске, о добровольном примирении диктатуры с «живыми силами» советского народа. Сменено руководство Ленинградского и Украинского отдела союза писателей; обнаружено неблагополучие в писательских союзах некоторых национальных республик; пошатнулось положение самых значительных литературных журналов — «Красной Нови», «Нового Мира»; под ударом стоит и «Литературный Современник».

Падая, наиболее авторитетные редакторы увлекли за собой и ряд писателей и поэтов, которым они давали приют в редактируемых журналах. «Отъявленным врагом народа» объявлены Павел Васильев и Иван Макаров; чуть не закатилась звезда Сельвинского и Пастернака. Двери редакций останутся, по видимому, закрытыми для Пильняка, Шухова, Евдокимова, Виктора Орлова, Давыдова и др.

Стоит присмотреться к новому проскрипционному списку.

Нападки на Пастернака стоят, конечно, в прямой связи с претензиями на руководство выразителей псевдо-романтического курса в литературе. Поводом для расправы, кроме моментов личной конкуренции, которая так отчетливо звучала в некоторых высказываниях (особенно у Алтаузена), явилась большая популярность этого «трудного» поэта, осмелившегося в начале первой пятилетки сказать: «Напрасно в дни великого совета, где высшей страсти отданы места, оставлена вакансия поэта: она опасна, если не

«невмешательства», за спасение испанской республики и всего мира от фашистской войны и порабощения.

Но действительным поворотным пунктом в истории испанской борьбы, а вместе с тем в истории мировой демократии и мирового рабочего движения, лондонская конференция окажется лишь в том случае, если ее решения будут проводиться в жизнь с той настойчивостью, с тем размахом, с тою страстью и теми темпами, которых требуют трагические обстоятельства. Ибо сейчас «упущение времени» может оказаться поистине «смерти подобным». На баррикадах Испании решаются судьбы мира, демократии и социализма...

К МОСКОВСКИМ ПРОЦЕССАМ.

Русский Отдел Социалдемократической Федерации Америки опубликовал заявление, в котором клеймит методы московских процессов и заявляет, что «негодующий протест против такого «правосудия» является непереманным долгом каждого социалиста и демократа, — в особенности, если кровавая расправа с политическими противниками облыжно освящается именем социализма».

Но, протестуя против убийств троцкистов, заявление считает нужным указать, что троцкисты и, в частности, сам Троцкий применяли «сталинские» методы расправы к своим политическим противникам, и что Троцкий участвовал с Лениным и Сталиным в октябрьском перевороте 1918 г., «когда они насильственно повернули ход событий в России с пути демократического развития на кровавый путь гражданской войны и нескончаемой железной диктатуры», последствия которой испытывает на себе теперь сам Троцкий.

Свой пламенный протест защитников гуманитарного и демократического социализма против кровавых актов слепой красной диктатуры» заявление заканчивает словами: «Политическая же цель нашего протеста состоит в том, чтобы указать нашим последователям, друзьям и будущим товарищам на тесную связь между этими актами и порождающей их политической диктатурой, которая поэтому должна быть решительно отброшена социалистами и рабочим классом как метод преобразования капиталистического строя в социалистическое общество».

Для противопоставления этой точки зрения позиции сталинистов и троцкистов Нью-Йоркская организация с.-д. Федерации созвала, по предложению своего Русского Отдела, особый массовый митинг протеста.

пуста». Не могут простить Пастернаку Алтаузен и Безыменский его маленькую независимость, его нежелание подлаживаться под «народность», его «особую статью». Более сложны причины, повлекшие за собой опалу Сельвинского.

Интеллигенция русской городской провинции оказалась в революции гораздо приспособленнее интеллигенции столичной. На первом этапе революции она выдвинула целую плеяду молодых писателей, пришедших в литературу с романтикой стихийного разрушения старой мещанской России (Олеша, Славин, Павленко, Валентин Катаев и др.). В конце эпопеи та же провинциальная интеллигенция выслала в революционную столицу новое молодое поколение, которому революция оказалась «ближе» не со стороны разрушения, а «с ее позитивной стороны, со стороны построения новой культуры». Среди этого молодого поколения поэт Сельвинский очень скоро занял выдающееся место. Это Сельвинскому принадлежит обоснование — тогда звучавшее смелым вызовом! — права на жизнь спецовой интеллигенции: «Чтобы страну овчин да блох поднять на пролетарском канате на уровень, равный Канаде, нужно явление интеллигенцией — увы — именуемое». С «ячеством» и самонадеянностью, которые теперь послужили поводом для его опалы, Сельвинский пришел в литературу, всегда бравировал, и критике это даже нравилось. Поэтом и звучат так неубедительно ее упреки сегодня. Истинной причиной опалы Сельвинского послужило то, что этот непризнанный отец «непартийных большевиков» слишком долго

Р. АБРАМОВИЧ.

Плебисцитарная рационализация

Чем ближе надвигаются выборы, — «всеобщие и тайные выборы» на основе новой конституции, тем большая нервозность овладевает большевистской партией. И хоть далеко еще фактически до выборов, — передовая «Правды» говорит о «нескольких месяцах», в применении к подготовительной стадии, — но уже сейчас совпечать все более и более центральное место отводит литературной подготовке предстоящих выборов, в частности вопросу о подготовке самой партии к той роли, которую ей придется играть в предвыборной кампании.

Эта тревога на первый взгляд является совершенно непонятной. Ведь на предстоящих выборах против ВКП попрежнему не будет и не сможет выступать никакая другая партия или организация. Ведь даже кандидатуры, выставляемые отдельными группами или советскими организациями, будут подвергаться предварительному контролю или утверждению тех же партиячек или советских органов, управляемых той же ВКП. Ведь агитации и пропаганде официальных, сталинских воззрений и лозунгов не будет публично противопоставлена никакая другая система взглядов и воззрений или хотя бы даже информация. Ведь все органы и возможности не только насилия и принуждения, но и агитации и идейного воздействия на массы будут всецело находиться, как и в прежние времена, в руках официальных инстанций ВКП. Ведь сам Жданов говорит в своем докладе: «Возможности у нас здесь исключительные. Все в наших руках находится: и радио, и кино, и газеты и черт знает сколько средств агитации!»

И тем не менее диктаторская партия с опаской и тревогой взирает на приближающуюся избирательную кампанию. И тем не менее, всемогущая и всесильная ВКП считает нужным принять какие-то специальные меры

предосторожности для этой первой после революции «встречи с народом». Повидимому, руководители ВКП, лучше осведомленные о состоянии своей партии и настроениях народных масс, лучше сознают и те опасности, с которыми связан эксперимент тайных и всеобщих выборов, даже при режиме террористической диктатуры. Руководители ВКП понимают то, на что наша партия указала в своем «Обращении» к Съезду Советов, что «новые выборы означают огромный подъем политической активности всего населения страны — в каждом крае, в каждом городе, в каждом районе» («Правда», 6-го марта). И как бы эта, стихийно пробуждающаяся, активность ни была скована диктатурой, как бы скептически население ни отнеслось к тайности выборов, — проведение избирательной кампании и самих выборов по всему гигантскому пространству СССР означает небывалый еще для советского режима эксперимент, — эксперимент, чреватый всевозможными, для ВКП не всегда приятными, сюрпризами. Конечно, согласно официальному канону, «безграничны доверие и любовь советского народа к своей партии — своему руководителю, признанному, проверенному и закаленному в боях социализма» («Правда», 7-го марта). Но за этими горделивыми заверениями не чувствуется внутренней уверенности. Своеобразные «ножницы» между этим официальным тезисом и все большим нарастанием в стране глухой, но оттого не менее опасной оппозиции против сталинского режима, раскрываются все шире и шире. Тяжелое материальное положение масс, прежде всего рабочих, жизненный уровень которых не только в данный момент представляется чрезвычайно низким, но, благодаря целому ряду обстоятельств (военные пригото-

разгуливал санкюлотом в литературе и оторвался от своих «масс»: непартийный большевик обрастает жирком, жаждет упорядоченной жизни.

Совсем особое место занимает молодой крестьянский поэт Павел Васильев, впервые появившийся в литературе только в начале первой пятилетки. Большой природный талант сразу выдвинул его в первые ряды советской поэзии. Дело происходило в пору коллективизации, и появлением крестьянского поэта критика дожила. Васильева сравнивали с Есениным. Но талантом, а, главное, характером, он скорее похож на Клюева. За своим «хулиганством» и «бытовым разложением» он умудряется сберечь свой поэтический голос: он цельнее, злее, сосредоточеннее Есенина. С последним роднит его, как впрочем и с Клюевым — ненависть к «патефонному сброду», держашему в своих руках бразды литературной политики, роднит его и то, что «музыка в себе» он «несет гордо». Конечно, он любит крепкое крестьянство, но и к слабому крестьянскому собрату живет в нем хорошая бережливая нежность (см. его прекрасное стихотворение «К поэту-пастуху», совершенно обойденное критикой).

Из писателей, подвергшихся расправе на пленуме, следует остановиться на фигуре Ивана Макарова. Иван Макаров — представитель крестьянской интеллигенции, выдвинувшейся в таком большом количестве в конце нэпа. Первым «преступлением» его была маленькая повесть «Остров», которую он опубликовал в год «сплошной коллективизации»; в ней сочувственно и тепло он обрисовал душевный мир крестьянина-соб-

ственника, который кончает самоубийством, не будучи в состоянии пережить, что собственность не только материально, а как-то духовно уплывает из его рук. После этой повести Макаров некоторое время нигде не печатался. Лишь в 1934 году в «Красной Нови» появился его рассказ «Дело № 471», в котором он рассказал нелицеприятную правду о жизни в колхозе. В описанном колхозе он сам прожил почти целый год и вступился за председателя его, преданного интересам колхозного хозяйства, которого выжили, да еще втравили в судебное дело, прикрываясь очень левыми фразами, бывшие «кулаки», ставшие тоже колхозниками. Симпатии Макарова к колхозной трудящейся массе вне подозрений.

В конце прошлого года в «Новом Мире» он напечатал большой роман-хронику «Миша Курбатов», посвященную строительству первой пятилетки. Этот роман и объявлен сейчас «злостной клеветой». Между тем, единственное «преступление» Макарова заключается в том, что он, вместе с многими прогрессивно-настроенными писателями, поддался иллюзии, что на сегодняшний этап можно, наконец, хотя бы прикровенно рассказать неприкрашенную правду о строительстве пятилетки, противопоставив ее официальной крашенине Эренбургов. Если бы тенденция реалистического показа генеральной линии победила, это означало бы не только крупную победу писателей, это было бы, может быть, свидетельством в пользу постепенной демократизации режима. Травля Макарова говорит как раз об обратном.

ния, новые грандиозные инвестиции, нерациональная работа советского аппарата и т. п.) и в ближайшие годы не сможет быть сколько-нибудь значительно повышен; все более кричащая социальная дифференциация советского общества, распадающегося на своеобразные новые «классы», разительно отличающиеся друг от друга по своему образу жизни, по своим социальным и бытовым привилегиям; рождение в той гигантской массе новой советской интеллигенции и полу-интеллигенции, которая образовалась в России за послереволюционный период, нового, пока еще очень тонкого, но все же значительного по своему удельному весу слоя, идейные искания которого уже не укладываются в рамки проштемпелеванной официальной идеологии, — вот некоторые из элементов, которые способствуют образованию той пропасти между режимом и рабочим классом, первые симптомы которой вселили такую тревогу в души руководителей ВКП. «При выборах нам придется иметь дело, — заявил Жданов в своем докладе, — с враждебной агитацией и враждебными кандидатурами. Что такая возможность является реальной видно из того, что уже сейчас имеет место известное оживление антисоветских элементов, именно в связи с предстоящими выборами. Наши партийные организации должны во всеоружии встретить попытки враждебных элементов использовать легальные возможности, предоставляемые новой конституцией. Пока наши люди дремлют и раскачиваются, враги уже действуют и крепко готовятся к выборам».

Жданов явно преувеличил организованность и активность «врага» и «идиотскую беспечность» ВКП. Но, выражаясь советским языком, «опасность он сигнализировал правильно»: нынешняя ВКП в самом деле представляет собою организм явно непригодный для тех грандиозных целей, которые, по крайней мере в теории, ставят себе ее вожди в связи с новой конституцией и «сплошной демократизацией» советского обще-

ства. Но конституция, — это только один из поводов (хотя и самый главный) для той коренной реорганизации ВКП, какая сейчас предпринимается в России. На самом деле, процесс вырождения, перерождения и загнивания диктаторской партии — монополизации всей суммы политических прав и привилегий, какая только имеется в огромной стране, зашел так далеко, что давно уже стал беспокоить руководителей советского государства и коммунистической партии. Самые «процессы троцкистов», о которых нам уже пришлось столько писать, явились в известной степени симптомами этого распада ВКП.

*
**

Диктаторская партия в стране однопартийной диктатуры представляет собою совершенно особое социологическое явление и подвержена совершенно особым законам развития. В странах демократии, хотя бы и урезанной, одновременно сосуществование нескольких партий и неизбежно происходящая между ними (более или менее на началах равенства) политическая и идейная борьба, соревнование в уловлении душ народных масс, действуют уже сами по себе как известный регулятор, выпрямляющий, оздоравливающий и совершенствующий. В открытой идейной и политической конкуренции с другими партиями каждый день наново выковывается идейное оружие партии. Необходимость изо дня в день наново завоевывать души своих избирателей и сторонников, отражать доводы и аргументы противников, подтверждать и подкреплять свои собственные тезисы и положения, является мощным стимулом идейного обновления, надежным средством против идейного застоя, верным регулятором, контролирующим правильное направление партийной линии. Необходимость непрерывно подвергать себя публичной критике своих противников и даже сторонников заставляет партию тщательно следить за своим моральным состоянием, за чистотой своего состава, за рациональностью своих органов,

Избыток «большевистского мужества» понудил заправил литературы заклеить, как «злостную клевету», и роман молодого писателя Виктора Орлова «Искатели славы», в котором с большим знанием внутренней обстановки разоблачается двурушничество и тактика «Троянского коня», укоренившиеся в среде коммунистической литературной братии. А на другом полюсе, но исходя из тех же заезжательских принципов, официальные критики объявили опасным исторический роман Давыдова «Дикий камень» за недостаточное восхищение историческим прошлым великорусского народа...

Пленум должен был подвести серьезные политические итоги большому, пройденному этапу развития и наметить перспективы начинающейся «эры Сталинской конституции». Генеральная линия, начавшаяся мобилизацией всех самых радикально-настроенных элементов молодого советского общества, закончилась «веселой и зажиточной жизнью». Такой переход от идеологии революционного аскетизма первой пятилетки к идеологии советского эпикурейства, казалось бы, должен был сопровождаться глубоким кризисом общественного сознания. Но в скованном диктатурой обществе этот глубокий конфликт был загнан вглубь. На поверхности возникли только пузыри от тонувших в одиночку, недостаточно сообразительных, более других искренних сторонников генеральной линии.

За все это переходное время закулисное руководство литературой держалось выжидательно, тщательно взвешивая шансы. В писательской общественности шла

острая борьба между выразителями первой фазы генеральной линии и новыми претендентами на влияние. Стрелка весов часто лихорадила. Идеологи первой пятилетки не хотели уходить со сцены и взяли в штыки доклад Бухарина на 1-ом съезде советских писателей, прочитанный им по поручению ЦК ВКП, в котором энергично подчеркивалась мысль, что «время Маяковского» миновало. Мы знаем, что эти мысли в ту пору были распространены в самой верхушке диктатуры. Тогда ведь обласкан был Сталиным Алексей Толстой и особенно прорабатывалась необходимость «качественного повышения» литературных произведений.

Убийство Кирова принесло нежданное уже подкрепление идеологам первой пятилетки. Демьян Бедный и Маяковский были реабилитированы. А Маяковский реабилитирован был высшим литературным авторитетом Союза — самым Сталиным. Это дало его мало-талантливым эпигонам типа Безыменского возможность так куражиться еще на прошлогоднем Минском пленуме правления союза писателей. Однако, твердая ставка «на качество» ослабляла шансы успехов «веселых ребят» диктатуры.

У представителей другой тенденции были и другие козыри в руках, помимо качественных показателей их творчества. В их среде имелось ядро со смутно выраженными демократическими симпатиями, с искренней, хотя и туманной идеологией «живых сил» советского народа, которые, де, должны победить, не могут не победить. До московских процессов эта группировка

за честностью своих ставленников в администрации и выборных учреждениях. Партия, допустившая промахи в своей политике, партия недостаточно следящая за моралью своих членов или представителей, партия, плохо организованная начинает терпеть поражения на выборах, начинает терять своих сторонников и даже погибает, если во время не выпрямит своей линии и своих ошибок. Так автоматизм демократии приводит к прогрессивной эволюции партий, к их естественному отбору. Совершенно иное дело господствующая партия в стране диктатуры, — партия, которая, следуя завету макиавелевского «Государя», в момент своего прихода к власти «позаботилась о том, чтобы народ не имел физической возможности от нее отвернуться, даже тогда, когда перестанет ее любить и ей доверять». Весь тот механизм демократического контроля, регулирования и совершенствования, о котором мы выше говорили, тут выключается. С этой партией никто не конкурирует, ее неправильной политике никто не в состоянии противопоставить более правильную; никто ее несостоятельной идеологии не может противопоставить более выдержанную. Как бы далеко ни зашло моральное вырождение диктаторствующей партии, как бы широко ни распространилась в ее рядах коррупция, народ все равно лишен возможности высказать ей свое недоверие и снять ее с господствующих постов. Единственный контроль, которому она подвергается, это контроль ее собственных членов. Единственная критика, которая по отношению к ней может иметь место, — это критика в ее собственных рядах. От контроля и критики народным массам она уже свободна. Но чем более диктаторской и террористической диктатура становится, тем более централизованной и иерархической становится сама диктаторская партия; тем больше в ней отмирает внутренняя свобода и демократия; тем меньшую роль в ней начинают играть партийные низы; тем большим влиянием начинает пользоваться партийная верхушка. Не только структура государства, но и сама внутрипартийная организация при таком режиме имеет яркую и неудержимую тенденцию к единоличной диктатуре.

Нужно ли доказывать нашим читателям, что развитие ВКП является собою классический образец подобной эволюции?! Вся карьера Сталина, все его сказочное вос-

хождение к небывалой в мире полноте власти и «богоподобности» тесно связано с этой эволюцией ВКП. Уже давно в ВКП уничтожены последние остатки внутривнутрипартийной демократии, свободы критики, возможности воздействия партийной массы на партийное руководство. Уже давно доведен до логического конца ленинский завет 1902 года (в «Что делать?»), согласно которому не партия, т. е. не совокупность партийных членов должна определять политику руководящих органов, а, наоборот, верховное руководство партии определяет состав партийного членства, подбирая его сверху согласно своей линии и своей установке. Уже давно в ВКП «самокритикой» называется, когда партийные власти критикуют внутривнутрипартийную оппозицию, а не — как это бывает во всем мире, — когда партийная оппозиция и идущие за нею массы критикуют свое руководство. Наоборот, если кто-нибудь снизу осмелится критиковать политику ЦК (или теперь уже Сталина), то это называется «подлой вылазкой классового врага». Мы дошли уже теперь до такого состояния, когда и внутри самых верховных инстанций ВКП свобода критики уничтожена. Теперь, после процессов, «самом критика» — это, когда всю партию критикует «Сам».

По меткому выражению одного немецкого публициста, свободная дискуссия осталась только в одном единственном месте — в голове самого диктатора.

Что же удивительного, если под влиянием такой политики, или вернее, под влиянием объективного положения, автоматически создаваемого фактом политической монополии и отсутствием общественного контроля, происходит опасное вырождение и перерождение партии? Если в ней, по словам самих руководителей ВКП, пыльным цветом распускается прислужничество, подхалимство, раболепство по отношению к высшим, хамство и помпадурство по отношению к низам, отсутствие чувства ответственности, политической мысли и даже простой политической грамотности, карьеризм, погоня за привилегиями, привычка к «командованию», зоологический эгоизм? Если члены «пролетарского авангарда» превращаются в бездушных чиновников и, что еще опаснее, в новое «революционное» дворянство со всеми атрибутами привилегированного сословия?

Руководители советского правительства понимают, что та рационализация государственного аппарата, ко-

внутри писательской среды все усиливалась, политически активизировалась и вела довольно открытую полемику с «веселыми ребятами», указывая на непопулярность «загибщиков», на отсутствие у них живых связей с культурно выросшими массами трудового народа. Московские процессы рикошетом разгромили это демократическое ядро внутри писательской общности.

Но практически эта победа ничего не может принести «веселым ребятам». Они — отработанный пар истории. Этим воспользовалась сейчас «третья сила», в это переходное, кризисное время «тактично» державшаяся до поры до времени в тени — литературная бюрократия со Ставским, Юдиным, Бубновым во главе. На IV пленуме правления союза писателей она громко и возвестила — «А я вас всех давишь».

Эта победившая литературная бюрократия, сама почти не пишущая, нашла для себя подсобное орудие в официальной всегда ко всему «готовой» критике.

Ни для кого не секрет, что состояние официальной критики за все последние годы было подчас очень плачевно. Она превратилась в мишень для всяческих насме-

шек, ее не бранил только безнадежно-ленивый, с ней открыто перестали считаться. Длинный перечень «ошибочных» произведений, подвергшихся сейчас ostracismу, был пропущен этой критикой, а частично даже рекомендован ею. Казалось бы, нет никакого основания выдавать ей похвальный лист. Но в «Литературной Газете» мы читаем: «Одним из многих достоинств пленума явилось то, что на нем уже не звучали набившие оскомину голословные утверждения об отставании критики, не звучали нотки пренебрежения к ней. Есть недостатки, бывают срывы... Но налицо уже определенное ядро, правильно ориентирующее литературу на социалистическую народность, умеющее поднимать обсуждение актуальных вопросов на принципиальную высоту». Отказом от последних остатков самостоятельности официальная критика добилась для себя и похвалы и признания.

Вооружаясь террором по отношению ко всем писателям, террором одновременно и направо и налево, не отдавая предпочтения ни одной группировке, а поощряя лишь отдельных писателей, литературная бюрократия намерена сама править литературой на последнем перегибе ухабистого и трудного пути русской революции...

торую они собираются осуществить при помощи октроированной сверху новой конституции, т. е. путем установления общественного контроля над администрацией в форме тайных выборов, может дать очень нежелательные для диктатуры результаты, если диктатура пойдет на этот широко задуманный и несвободный от серьезного политического риска эксперимент с тем «парт-аппаратом», с тем фактическим носителем диктатуры, какой создался за последние годы.

Совершается исторический поворот, пишет советская печать, и во главе этого поворота должна стать ВКП. Наростающую политическую активность масс «должна возглавить большевистская партийная организация». Но подготовлена ли она к этой ответственной роли? Ни в коем случае, отвечает «Правда», повторяя дословно доклад Жданова и официальную резолюцию пленума ЦК. Ибо в ней «систематически» нарушаются и подавляются все принципы «демократического централизма» и вообще «партийной демократии». Ибо в ней «запущена партийная работа» и «грубо нарушается партийный устав». Выборность превратилась в простую формальность, в фикцию, и повсюду неограниченно господствует практика кооптации. Слаба активность коммунистов, недостаточна их ответственность за партийную работу. В ней царит «бюрократическое извращение» и «ретивое административирование», и что еще опаснее, косность и трусливость мысли. Партийные агитаторы и пропагандисты, соприкасающиеся с массами, «стремятся, как это ни странно, обойти острые, волнующие вопросы» («Правда», 15 марта), трусливо избегают давать ответы на те щекотливые проблемы, которые особенно интересуют массы. Нет настоящей самокритики, «невзирая на лица», зато процветает «политическое ротозейство», слабеет «связь с рабочими, колхозниками, интеллигенцией»...

Высокопоставленные «самокритики» притворяются, будто все эти отрицательные стороны, все эти грозные симптомы внутреннего перерождения и отмирания партии, как живой идейной силы, являются более или менее случайными последствиями простого технического недосмотра, недостаточного соблюдения устава и т. п. В своем стремлении скрыть истинные, более глубокие корни идейного и морального маразма, охватившего ВКП, они доходят уже просто до смешного, напр., когда упрекают партийные организации за то, что те не взяли примера с ЦК, который-де свято соблюдает принцип выборности и тайного голосования! Точно жизнь этих организаций протекала не под строжайшим контролем ЦК, точно отмена последних остатков партдемократии была произведена помимо и против Сталина, точно не в его силах было уже 10 лет тому назад провести ту «великую реформу» внедрения «партийной демократии», которую он собирается провести сейчас!

Но такъ или иначе, «лучший сын и великий отец народов», пришел, наконец, к убеждению в необходимости восстановить партийную демократию, как предварительную меру для той «плебисцитарной рационализации» государственного аппарата, которая предпринимается на основе новой конституции. Как же эта историческая задача будет проводиться? Официальные документы ЦК, доклад Жданова и бесчисленные передовицы советских газет не оставляют ни малейшего сомнения в истинном характере предполагаемой «демократизации» ВКП: она будет допущена лишь на основе стопроцентного, абсолютного, интегрального сталинизма, и лишь в тех пределах, которые гарантируют сохранение стопроцентной, неурезанной диктатуры Генсекретаря внутри «демократизированной» партии. Самокритика? О, конечно, непременно, всесторонне. Но... «эта самокритика не имеет ниче-

го общего с «критикой», идущей из враждебного нам лагеря... В борьбе с врагами рабочего класса мы будем держать порох сухим». А кто, кроме правозверных сталинистов не является, после процессов, «агентурой классового врага» или «передовым отрядом фашизма»? Агитация должна быть правдивой, честной, смелой, не уклоняющейся от жгучих вопросов, — но горе тому, кто осмелится дать свой собственный ответ на эти вопросы. Коммунисты отныне должны иметь мужество мысли, суждения и критики, «невзирая на лица», — но кто из среды ВКП не понимает, что при первой же попытке свободно высказать самостоятельную мысль или независимое суждение он, при улюлюкании коррумпированной и раболепствующей прессы, будет объявлен «врагом рабочего класса и социализма»?! Ведь разве случайно, что те самые статьи в советской прессе, которые возвещают новую демократическую эру в партии, которые призывают к самостоятельности и свободной самокритике, сами рабски-трусливо ограничиваются дословным копированием официальных текстов и даже ни в одном прилагательном или эпитете не осмеливаются отступить от казенных образцов?!

Руководство ВКП ставит себе заведомо противоречивую и утопическую задачу: «добиться того, чтобы партийная масса решала как партийные, так и общепрактические задачи; чтобы партийная масса выносила свои резолюции и обязывала свои организации их выполнять», но в то же время, чтобы масса эта не смела самостоятельно и свободно мыслить, чтобы всевластие Генсекретаря осталось непоколебленным в партии, насчитывающей миллионы и управляющей судьбами одной шестой части земного шара!

Диктаторская партия не может у себя внутри сохранить демократический строй, — от этого исторического закона не может освободить ВКП даже гениальный Сталин.

А между тем нарастающие в Советском Союзе опасности и внутренние противоречия повелительно диктуют какие-то реформы и изменения. Ити дальше старым привычным путем значит скатываться в какую-то пропасть, на дне которой зияет гибель и смерть революции. С другой стороны нарастание глухой оппозиции в партийных низах не может быть задавлено одними только «процессами троцкистов». Надо, согласно завету Ленина, не только физически истребить «троцкизм», т. е. всякий проблеск какой бы то ни было оппозиции в ВКП, но и вырвать у него его жало, — сделав своим его основой — и для масс очень соблазнительный — лозунг: требование в н у т р и - п а р т и й н о й д е м о к р а т и и. И вот под давлением жизни, под глухим не оформленным давлением ропщущих масс делается попытка частичной рационализации и парт-аппарата. Руководители ВКП хотят освободиться от своих наиболее испорченных и развращенных элементов. Они согласны пожертвовать народному гневу наиболее скомпрометированные низшие ячейки, вызывающие особое неудовольствие населения. Частичным, в строго дозированном и контролируемом размере допущенным обращением к партийным низам они стремятся достигнуть возможного улучшения и высших звеньев своей «машины», — повернув всю ее «лицом к врагу», на предмет усиления бдительности, лучшего распознавания «классового врага», безостаточного истребления «идиотской болезни — беспечности» (эта фраза и непременно в этом сочетании, повторяется десятки раз во всех статьях).

Попытка эта заранее обречена на неудачу. Но всякая апелляция к массам при современном состоянии диктатуры расшатывает ее морально-политический ба-

зис. Всякое активирование самодеятельности и политической активности масс является выигрышем для друзей и сторонников социальной демократии, для социалистических противников террористической диктатуры. Чем больше диктатура вынуждена хотя бы и словесно обращаться к «презренной демократии», тем с большей

настойчивостью, последовательностью и упорством должны, — как указала партия в своем «Открытом письме» к Съезду Советов, — сторонники этой демократии использовать всякую тень легальных возможностей, какими бы карами им за это ни грозил в своем докладе Жданов.

А. ЮГОВ.

“Штурмовщина” и “идиотское благодушие”

Из передовой статьи газеты «За Индустриализацию» (№ 61), мы узнаем, что последний Пленум ЦК ВКП обсуждал положение дел в каменноугольной промышленности и «принял постановления обеспечивающие выполнение планов добычи угля».

Как и в прошлом году добыча угля в 1937 году идет на уровне не обеспечивающем выполнение плана. Несмотря на все поощрения и угрозы добыча угля упорно стоит на уровне 80-85% плана. Правда, план 1937 года существенно увеличивает нормы добычи по сравнению с прошлым годом, примерно на 22-25% (окончательный план еще не утвержден). Но общее увеличение промышленного производства на 20-25% естественно пред'являет повышенные требования к топливу и, в первую очередь, к добыче угля. Если учесть, что запасов топлива в стране почти нет, и что уголь уже давно является «узким местом» советской индустрии, то станет понятным почему невыполнение планов на 15-20% ставит под угрозу работу важнейших отраслей индустрии.

Но не только это обстоятельство заставило ЦК ВКП заняться делами угольной промышленности. Неудачи в угольной промышленности поставили под сомнение стахановщину, как универсальный метод достижения быстрых и устойчивых эффектов в увеличении продукции. Стахановщина родилась на шахтах Донбасса и здесь наиболее упорно проводилась. Угольная промышленность была, как бы лабораторией стахановщины, по крайней мере, одной из наиболее рекламируемых форм стахановщины.

И вдруг — упорная неудача, несмотря на два года разнообразных успехов и рекордов.

На страницах «Социалистического Вестника» не раз за последний год помещались статьи, определяющие наше отношение к стахановщине и очень решительно критиковались методы, которыми большевики пытались повысить производительность шахт.

Все то что было положительного в советской рационализации условий и методов работы, получившей в СССР название «стахановщины» — повышение качества продукции, разделение труда, организация рабочего места, поднятие технической культуры и пр., — все это в угольной промышленности получило минимальное применение.

В обрабатывающей индустрии — металлургии, машиностроении, химической и др. — самая техника производства требовала для увеличения продукции подготовительных работ и создания на предприятии твердого «режима» работы. В добывающей индустрии, и в частности в угольной, был возможен и другой метод — экстенсивная, хищническая разработка угольных залегающих, метод, дающий быстрый, но не устойчивый эффект.

Коммунистические руководители хозяйства в своем стремлении получить возможно большее количество

угля в кратчайший срок в большинстве случаев пошли на шахтах по этому пути. Спешная, поверхностная механизация, сочетаемая с повышенным напряжением труда рабочего, вот те методы, которые, главным образом, применялись в советской угольной промышленности.

Мы об этом писали очень много.

Вместо радикальной реорганизации, широких подготовительных работ и установления на рудниках культурных методов добычи, методов оправдавших себя на передовых шахтах Рура или Америки, широко применялись штурмовщина, рекордсменство и хищничество.

В статье: «Отчего отстают Донбасс!» («С. В.» № 8, 1936), я писал, анализируя причины колебания выработки:

«Донбасс дал уже за истекшие месяцы максимум того, что можно было дать мобилизацией наличных средств и напряжением человеческой энергии. Для того, чтобы Донбасс мог иметь новый и устойчивый под'ем, надо предварительно рационализировать организацию производства и условия труда... Мы думаем, что в стахановщине советской власти придется многое пересмотреть в методах, многое изменить в планах».

Почти два года советская власть упорствовала в своих губительных методах и искала выхода лишь в новых кампаниях, лишь в подстегивании соревнования. Лихорадка на шахтах продолжалась, кривая добычи упорно вычерчивала зигзаг.

В октябре 1935 года среднесуточная добыча угля была равна 313,9 тыс. тонн, к декабрю она поднялась до 362,4 тыс. тонн, затем она систематически падала и к июлю 1936 года упала до 309,6 тыс. тонн. К декабрю 1936 года добычу вновь удалось поднять до 340,6 тыс. тонн, а с начала 1937 года она вновь упала, и в феврале была равна 315,2 тыс. тонн, т. е. ниже добычи соответствующего месяца прошлого года.

Естественно, что Пленум ЦК ВКП занялся делами Донбасса и Кузбасса.

Постановление ЦК полностью не опубликовано (новый вид засекречен), мы могли с ним познакомиться лишь по информации «За Индустриализацию».

Хотя оно, попрежнему, винит во всем «вредителей и троцкистов», но некоторые признаки большего понимания действительных причин «срыва» все же в нем можно найти.

Оказывается для обеспечения под'ема добычи надо в первую очередь ликвидировать «многочисленные аварии».

Еще нет понимания, что аварии неизбежны, нами не раз предсказанный, результат сверхнормальной нагрузки, с которой работали все механизмы и аппараты на шахтах в период рекордов и штурмовщины, что они результат методов работы, предписанных и насаждаемых центральной властью. Но уже признается, что

«безобразная организация производства — основная причина технических неполадок и аварий».

В стране, именуемой социалистической, в продолжение многих месяцев стимулируются рекордные выработки, превышающие в 5-10 раз нормальные, допускаются сверхурочные работы без особого ограничения, поощряется нечеловеческое напряжение физической и нервной энергии, и одновременно не принимаются не только что чрезвычайные, но даже и обычные меры охраны труда и безопасности. Мы об этом писали неоднократно. Советская печать все время не обмолвилась об этом ни словом.

И только сейчас ЦК ВКП признает:

«Как никогда перед всеми угольщиками остро встает задача безоговорочного осуществления всех правил техники безопасности. Безрукость, идиотское благодушие в этом важнейшем вопросе открывали вредителям (!) широкие возможности создавать тяжелые условия для работы шахтеров, увеличивать травматизм... Надо повести беспощадную борьбу с саботажем мероприятий по технике безопасности и охраны труда».

Вчера еще провозглашались вредителями и саботажниками те инженеры и рабочие, которые предостерегали от хищнического отношения к механизмам и рабочим, которые напоминали о «пределах», которые может вынести врубовая машина или живой человек, сегодня же вредителями оказываются те, кто ради рекордов вывел из строя работы тысячи машин и многократно увеличил травматизм на шахтах.

Кто это? Ведь речи Сталина и Орджоникидзе о стахановцах Донбасса печатались во всех советских газетах!!

Постановление ЦК ВКП указывает на то, что на большинстве шахт «разрывы в степени механизации разных процессов добычи угля», что «имеются разрывы и диспропорции между подготовительными и очистными работами», что «новое строительство производится медленно и бесхозяйственно» и т. д.

Все это верные и разумные мысли и хорошо, что к ним наконец пришли и те от кого зависит строй работы на угольных рудниках.

Но надолго ли?

Но как же со стахановщиной на шахтах? Отказались ли власти от штурмовщины и рекордов?

Формального распоряжения изменить формы стахановщины на шахтах в постановлении ЦК не имеется. Но характерно уже то, что во всей передовой статье «За Индустриализацию», посвященной изложению постановления ЦК, и носящей название: «Неотложные задачи угольщиков», слово «стахановец» употреблено лишь один раз, и все надежды возлагаются не на «стахановский энтузиазм» не на «большевистскую дисциплинированность», а на устранение объективных препятствий под'ему добычи.

Но больше того, постановление ЦК категорически запрещает один из самых типичных приемов стахановцев по форсированию добычи угля: обрушение и самообрушение.

Сколько хвалебных од было написано по поводу «легких, но гениальных методов простых забойщиков», стахановцев Донбасса или Кузбасса, сводящихся к тому, что на вертикальных или покатых лавах рубанием искусственно вызывалось обрушение. Добыча увеличивалась в 20-30 раз, и рекорды побивались один за другим. При этом никаких специальных мер предосторожности не применялось, даже крепление кровли производилось небрежно и с большим запозданием. Все предостережения специалистов объявлялись вредительскими, «научные нормы» высмеивались самим Серго.

И вдруг теперь постановление ЦК признает, что «применение систем горных работ зонами с обрушиванием и камерами с самопосадкой (естественным обрушиванием) способствовало возникновению подземных пожаров на нижних пластах». Такая система категорически запрещается. Теперь мы узнаем, что громадные районы охвачены подземными пожарами. В Кузбассе размеры подземных пожаров так велики, что для «тушения лишь одних активных пожаров» ЦК приказывает мобилизовать специальные бригады и требует, чтобы работы были закончены «не позднее 1 января 1938 года!»

Теперь мы узнаем, что кроме пожаров система обрушивания разрушала крепления, засыпала запасные выходы и ухудшала вентиляцию шахт.

Штурмовщина не только подрывала работоспособность лучших рабочих, она дезорганизовала весь строй работы на шахтах. Рекорды мешали установлению твердого режима текущей работы на шахтах.

Забойщик Комаров в ответ на анкету: «почему мы плохо работаем?», отвечает: «я работаю забойщиком уже более 30 лет. Но такого беспорядка, который творится у нас сейчас, я еще не видал!»

ЦК ВКП заканчивает свое постановление: «Установить порядок на шахте! Нужен внимательный контроль над людьми, над их работой!»

Как не похожи эти речи на то поощрение всякой штурмовщины, на дискредитацию всяких попыток внести рационализацию в методы работы на шахте, которые были господствующими в прошлом году. Дорогой ценой, но кое-чему уже научились.

Не следует, конечно, преувеличивать опасность положения. Ни вообще в индустрии, ни в угольной отрасли нет катастрофической ситуации. Исполнение плана в пределах 85% обеспечивает стране еще очень большие темпы прироста.

Но то, что произошло на шахтах Донбасса и Кузбасса показывает, как далеко еще не ликвидировано примитивное, хищническое отношение руководителей хозяйства и к богатству страны и, что особенно существенно, к трудящимся.

Эти факты кроме того прибавляют еще несколько штрихов для иллюстрации излюбленного способа большевиков: ответственность за свои ошибки и головотяпство возлагать на тех, кого тюрьмой, а часто и расстрелом, вознаградили за своевременно сделанное справедливое предостережение.

Так было с обезличкой на железных дорогах, так было с темпами первой пятилетки, — сейчас тоже самое происходит в угольной промышленности.

С. Ш.

Конец "треугольника"

В докладе Жданова на недавнем пленуме коммунистического ЦК как бы мимоходом возведена своеобразная «реформа» управления промышленными предприятиями. Речь идет об упразднении так называемого треугольника. Официальная печать еще никак не может собраться с мыслями, чтобы объяснить своим читателям существование новой, неожиданной реформы. В статьях и заметках не только «Правды», но и непосредственно заинтересованных «За Индустриализацию» и «Труда» до сих пор об упразднении треугольника нет почти ни слова (предо мною лежат советские газеты по 15-ое марта включительно). Между тем эта мера заслуживает серьезного внимания.

Треугольник, состоящий из директора предприятия,

председателя завкома и секретаря заводского парткома, прочно вошел у нас в быт промышленных предприятий (на бумаге треугольник существует и в учреждениях, но никакой роли он здесь обычно не играет). Формально это лишь согласительный орган, орган, не облеченный никакой властью. Фактически треугольник не выполняет обычно даже и согласительной роли, а является чем-то вроде приводного ремня от заводоуправления к парт- и профорганам в предприятии, играет роль подсобного органа заводоуправления. Случается и иначе: там, где директор предприятия робеет пред секретарем парткома, а секретарь парткома обураваем жаждой власти, треугольник нередко превращается в орудие дезорганизации и бюрократизации управления предприятием.

Но бывает и иное: в тех редких случаях, где председатель завкома или секретарь парткома в какой-то мере являются действительными выразителями коллективной воли представляемых ими организаций, треугольник может играть и положительную роль. Треугольник в этих условиях может в известной мере ограждать интересы рабочих от непомерного «производственного» усердия заводоуправления. Правда, треугольник не может выносить большинством голосов решений, обязательных для директора, и не может поэтому принудить директора к чему либо, на что директор, сам являющийся членом треугольника, не дал своего согласия. Но фактически секретарь парткома и председатель завкома в целом ряде вопросов внутривзаводской жизни, непосредственно затрагивающих интересы рабочих, могут при посредстве треугольника оказывать давление на заводоуправление и добиваться благоприятных для рабочих решений.

Сейчас на очереди для демократизации партийных и профсоюзных организаций. Демократизации этой поставлены очень узкие пределы, поскольку речь идет о политических вопросах. Но в сфере элементарных вопросов труда и быта рабочих масс профессиональные и партийные организации после демократизации, вероятно, смогут проявить значительно большую активность, чем до сих пор. Треугольник в этих условиях — может быть, впервые со времени его введения — мог бы

действительно начать жить, обеспечивая рабочим возможность известного влияния во всех вопросах внутренней жизни предприятий.

В изложении Жданова все это представляется совсем иначе:

«...С точки зрения правильных отношений между партийными, хозяйственными и профсоюзными организациями треугольник представляет из себя совершенно недопустимую форму. Это есть семейственность, сговор для того, чтобы труднее было критиковать. И если уж трое сошлись, попробуй, походи, покритикуй их! Профсоюзную и партийную организацию это обезличивает, разоружает в борьбе против недостатков хозяйственного руководства, а с другой стороны разоружает самого хозяйственника, потому что треугольник представляет нечто вроде какого-то коллегиального органа управления, в то время как наше хозяйственное руководство совсем иным образом построено».

В обстановке, где действует правило «Попробуй, походи, покритикуй их!», от треугольника действительно нечего ждать пользы. Но из этого положения напрашивается совсем не ждановский вывод: не упразднение треугольника, а обеспечение действительной свободы критики. Тогда не пришлось бы бояться и «сговора для того, чтобы труднее было критиковать». С этой «трудностью» сколько-нибудь демократизированные и связанные с рабочими массами профессиональные и партийные низовые организации уж как-нибудь бы справились. Но это как раз и тревожит Жданова. Ведь отсюда один шаг до «разоружения самого хозяйственника», привыкшего к мысли, что «наше хозяйственное руководство совсем иным образом построено». Совсем иным образом! Вот это действительно правда.

Упразднение треугольника освобождает директора предприятия от ненужных забот и развязывает ему руки. Заводские профессиональные и партийные органы ставятся «на свое место». Директор разговаривает с ними лишь в тех пределах, в каких сам считает это нужным. Единоначалие, так единоначалие! А если у вас есть какие-либо претензии, пожалуйста, обращайтесь по инстанциям, в вышестоящие профессиональные и партийные органы. Те уж как-нибудь договорятся с соответственными хозорганами. Бюрократическая машина себя оправдает.

Международная конференция по испанским делам

По предложению Ю. Г. Т. (профсоюзный центр Испании) и Испанской Социалистической Партии, Рабочий Социалистический Интернационал и Международная Федерация Профессиональных Союзов создали на 10-11 марта международную конференцию по испанским делам, заседающую в Лондоне.

Почти все социалистические партии и профессиональные центры, примыкающие к обоим Интернационалам, послали многолюдные делегации, в которых были широко представлены и парламентские фракции. Всего на конференции присутствовало 200 делегатов социалистических партий и профсоюзов, и было представлено 19 стран и 18 международных профессиональных секретариатов. Испания была представлена гг. Азорин, Кордеро, Педрозо (социалистическая партия), Томас, Забалза, Претель, Чапинел (Ю. Г. Т.). Председательствовали гг. В. Ситрин, председатель МФПС, и Л. Де-Брукэр, председатель РСИ.

Прения были открыты гг. Паскаул Томас, секретарем Ю. Г. Т., и Мануэль Кордеро, представителем испанской социалистической партии. Они сделали содержательные доклады о положении дел в Испании, о характере и условиях борьбы, обрисовали героические усилия испанского народа в борьбе за свободу и закончили призывом к международной солидарности и поддержке.

Скэвельс, генеральный секретарь МФПС, подробно доложил о той помощи, которую с первого-же дня гражданской войны оба Интернационала оказывали республиканской Испании и которая нашла небывалый донныне отклик во всех решительно странах мира.

Де-Брукэр, председатель РСИ, обрисовал ту политическую кампанию, которую оба Интернационала вели для поддержки испанского рабочего класса, борющегося не только за свою свободу, но одновременно за свободу и мир всего света. Он особо подчеркнул, что политическая линия обоих Интернационалов оставалась неизменной с самого начала борьбы.

Наконец, Пьетро Ненни, делегат РСИ при Международных Бригадах, в страстной речи характеризовал настроения борцов на испанских фронтах и те серьезные проблемы, которые ставит в порядок дня атака, начатая международным фашизмом.

В общей дискуссии по этим докладам приняли участие гг. Жуо, Жиромский, Рэйно, Грумбах, М. Пивер (Франция), Бевин, Эттли (Англия), Вандервельде, Изабелла Блюм (Бельгия), Альбарда (Голландия), Альтман (Соедин. Штаты).

Составление резолюции и предложений было поручено комиссии в составе Де-Брукэра (председатель), Брака (Франция), Лэтэма (Англия) и Хэглунда (Швеция). Выработанная ею резолюция, в основу которой был положен проект Де-Брукэра, была принята, с незначительными поправками, всеми голосами против одного (Альтман). Испанские товарищи заявили, что, будучи согласны с предложенными решениями, считают правильным в голосовании не участвовать.

Единогласно были приняты предложенная т. Ненни телеграмма Ларго Кабальеро и напечатанные выше постановления организационного характера.

Вечером 10 марта в Кингсвэй Холл состоялся под председательством т. Ситрина публичный митинг, на котором гово-

рили гг. Лонгэ (Франция), Ф. Адлер (секретарь РСИ), Паскуаль Томас (Испания), Сквенельс (секретарь МФПС) и Эттли (Англия).

В дополнение к этому официальному отчету следует добавить, что, по требованию английского правительства, ссылавшегося на то, что принятая им политика «невмешательства» делает недопустимой публичную пропаганду в пользу одной из борющихся в Испании сторон, конференция лишена была публичного характера: не только публика, но и представители прессы не допускались на ее заседания. Это не помешало тому, что отчеты о ее работах и происходивших на ней прениях помещались во всей английской и иностранной прессе, но это лишило конференцию того демонстративного и будоражащего массовое общественное мнение характера, который она должна была бы иметь.

В том же направлении возможной парализации воздействия конференции на общественное мнение шла и другая мера английского правительства: запрещение иностранным делегатам выступать с политическими речами по испанскому вопросу на публичных собраниях и митингах. Единственное исключение было сделано для отмеченного выше митинга в Кингсвэй Холл, который формально был поставлен под знак чисто благотворительной, продовольственной и санитарной помощи испанским республиканцам и на котором получили возможность выступить четыре иностранных делегата. Их речи, разумеется, выходили далеко за пределы установленных формальных рамок, но условия, в которые был поставлен митинг, и отсутствие предварительной широкой агитации привели к тому, что и небольшой зал Кингсвэй Холл наполнился лишь наполовину, было не больше 700-800 посетителей: в смысле массовой агитации митинг оказался лишенным всякого значения. Все это, как нельзя более ясно, подчеркнуло тот «дух», в котором проводится политика «невмешательства» консервативным правительством Англии.

На самой конференции, как впрочем и на предварительных заседаниях РСИ и МФПС, испанские товарищи, поддержанные рядом делегатов, выражали сожаление по поводу того, что социалистический и синдикальный Интернационалы не решились созвать более широкой конференции с участием не только коммунистических партий и профсоюзов, но и буржуазных организаций и групп, готовых отстаивать республиканскую Испанию против нападения фашистов. Считаюсь, однако, с теми затруднениями внутреннего характера, которые до сих пор мешали и мешают ряду партий и профсоюзных организаций пойти на организованное сотрудничество с коммунистами, испанские товарищи заявили, что будут считать с данным составом конференции и вопроса о расширении ее рамок или о созыве в ближайшем будущем новой более широкой конференции ставить не будут.

Представители **четырех скандинавских стран** (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания), до сих пор весьма сдержанных в критике политики «невмешательства», внесли за общими подписями следующую резолюцию:

«Представители социалистических партий и профсоюзных центров Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии предлагают следующую резолюцию:

«1. Конференция констатирует, что политика невмешательства, проводившаяся до сих пор по отношению к Испании по инициативе демократических государств, не дала желательных результатов, потому что политика эта проводилась только этими государствами, но не фашистскими державами.

«2. В решенных Комитетом невмешательства новых мерах контроля конференция видит последнюю попытку заставить фашистские державы соблюдать правила невмешательства.

«3. На случай, если в течение ближайших недель выяснится, что, вопреки новым мерам, фашистские державы будут продолжать поддерживать мятежников, конференция поручает Исполкомом обоих Интернационалов требовать предоставления испанской демократии возможности приобретать на вольном рынке оружие и все другие предметы обороны, необходимые для доведения ее борьбы за освобождение до победы.

«Конференция призывает все рабочие и демократические организации усилить свою кампанию помощи Испании и выражает доблестному испанскому народу свою полную моральную и политическую солидарность».

Голландская делегация не приняла участия в этом заявлении, но говоривший от ее имени т. Альбарда в своей речи сказал, что наступает момент, когда демократические страны должны принять решительные меры для прекращения вмешательства фашистов в испанские дела, хотя бы пришлось для этого прибегнуть к угрозе на каждую посылку фашистского аэроплана, танка или фашистского полка в Испанию

ответить посылкой двойного количества оружия и людей. Такого рода меры, конечно, включают в себя риск войны, но другого средства предотвратить крушение всей международной демократии и предохранить весь мир от порабощения фашизму нет, и, как ни горька эта истина, но Интернационалы обязаны громко сказать ее народным массам.

От имени Ф. Дана и своего собственного т. Жиромский внес резолюцию, предлагающую организацию **Международной Испанской Недели** под лозунгами: немедленного прекращения всякой помощи мятежникам со стороны фашистских держав и восстановления права республиканского испанского правительства на свободную закупку оружия и всего, необходимого ему для организации защиты республики.

Испанская делегация выразила свои пожелания в следующем заявлении:

«Представители Рабочей Социалистической Партии, Ю. Г. Т. и социалистической парламентской фракции Испании предлагают нижеследующее:

«1. чтобы оба Интернационала опубликовали те документы, которые они решили составить на своем Парижском совещании;

«2. испанская делегация присоединяется к первому пункту резолюции, предложенной скандинавскими представителями и констатирующей от имени конференции, что «политика невмешательства, проводившаяся до сих пор по отношению к Испании по инициативе демократических государств, не дала желательных результатов, потому что политика эта проводилась только этими государствами, но не фашистскими державами»;

«3. точно так же испанская делегация присоединяется и к последнему абзацу третьего пункта скандинавского проекта, говорящему, что Интернационалы требуют «предоставления испанской демократии возможности приобретать на вольном рынке оружие и все другие предметы обороны, необходимые для доведения ее борьбы за освобождение до победы»;

«4. мы требуем отзыва в кратчайший срок с испанской территории всех иностранцев, мавров в том числе, оказывающих военную помощь мятежникам или законному правительству;

«5. мы протестуем против того, что надзор за средиземно-морскими берегами Комитет невмешательства поручил германскому и итальянскому флотам, так определенно кооперирующим с силами мятежников;

«6. согласно мнению, высказанному многими делегатами, Интернационалы должны усилить свою агитационную кампанию безустанным освещением общественно-го мнения всех стран об испанских событиях;

«7. депутаты-члены обоих Интернационалов должны разоблачать перед своими парламентами систематическое нарушение соглашений и международных договоров, а также принципов международного права, совершавшееся с самого начала восстания в явный ущерб законному правительству Испании».

Как видно из напечатанного выше текста решений конференции, значительная часть пожеланий, высказанных в заявлении испанских товарищей, равно как в резолюциях скандинавской группы и т. Жиромского, нашла себе место в резолюции и постановлениях конференции.

Ф. Д.

Лондонским заседаниям международной конференции предшествовали заседания **Бюро и Исполкома РСИ**. В сессии Исполкома участвовали: **Де-Брукер** (председатель), **Вельс** (Германия), два австрийских делегата, **Вандервельде**, **Бальтазар** (Бельгия), **Хэдтофт-Ганзен**, **Якобсон**, **Гартвиг Фриш** (Дания), **Азорин**, **Кордеро** (Испания), **Вуори** (Финляндия), **Брак**, **Грумбах**, **Лонгэ** (Франция), **Даллас**, **Гиллис**, **Дженкинс** (Англия), **Альбарда** (Голландия), **Дан** (росс. С. Д.), **Акерберг**, **Брантинг**, **Хэглунд**, **Фогт** (Швеция), **Винтер**, **Соукуп** (Чехословакия), **Де-Витте** (нем. С. Д. Чехословакии), **Ганзен** (Интернационал Соц. Молодежи), **Алиса Пелье** (Межд. Женский Комитет), **Фан-Росбрук** (кассир) и **Ф. Адлер** (секретарь).

Главным предметом занятий Исполкома была подготовка к конференции двух Интернационалов, вызвавшая оживленный обмен прений.

Затем Исполком заслушал отчет секретариата о деятельности РСИ за 1936 год, а также доклад кассира.

Он постановил напомнить примыкающим партиям о братской поддержке, обещанной РСИ Рабочей Олимпиаде, организуемой Рабочим Спортивным Социалистическим Интернационалом и имеющей состояться летом 1937 года в Антверпене.

В заключение Исполком разрешил ряд вопросов, имеющих организационный характер и касающихся разных стран. В

частности, он заслушал доклад о положении в Данциге и постановил оказывать всю доступную ему поддержку мужественным данцигским социалистам, жертвам национал-социалистического террора.

9 марта состоялось **совместное заседание Бюро РСИ и МФПС** для подготовки работ конференции обоях Интернационалов.

На заседании Исполкома РСИ была, между прочим, оглашена следующая **телеграмма Ларго Кабальеро** на имя председателя РСИ, т. Де-Брукера, по случаю решения Международного Фонда Солидарности, управляемого совместно РСИ и МФПС, послать в Испанию вполне оборудованный военный госпиталь:

«Бесконечно благодарен за новое доказательство солидарности Второго Интернационала, выразившееся в предложении открыть в Испании большой госпиталь, который будет обслуживать храбрых защитников свободы и еще крепче завязет узы нашей сердечной дружбы».

ЗАГРАНИЦЕЙ

НА ФРАНЦУЗСКОМ НАРОДНОМ ФРОНТЕ.

Поистине громом из ясного неба прогремели выстрелы, раздавшиеся вечером 16 марта в парижском пригороде Клиши и усеявшие его площади и улицы пятаю трупами и сотнями раненых.

Непостижимой казалась самая возможность кровавого столкновения между полицией и рабочими манифестантами при правительстве Народного Фронта, твердо решившемся ни при каких обстоятельствах не проливать рабочей крови и сумевшем сохранить верность этому решению в самый бурный разгар рабочих забастовок, когда вся буржуазная печать изо дня в день требовала от него «твердости» и третила его за проявляемую «слабость». И еще более непостижимым казалось, что все это произошло в период «передышки», объявленной правительством во имя финансово-экономической консолидации громадных социальных реформ, уже проведенных им, в момент колоссального успеха выпущенного им займа, за каких-нибудь шесть недель до открытия выставки, для своевременного оборудования которой столько усилий прилагают и правительство, и организованные рабочие, от которой так много ждут все слои населения — особенно торгового и мелкобуржуазного населения Парижа и всей Франции, и успех которой так укрепит положение правительства Блюма, и без того сумевшего за 9 с пол. месяцев пребывания у власти стать, по свидетельству всей серьезной мировой печати, самым сильным и прочным правительством Франции за все время существования Третьей Республики.

Но достаточно вспомнить эту обстановку, в которой разыгрались события в Клиши, и подойти к этим событиям с точки зрения основного политического вопроса: «кому на пользу?» — чтобы понять, что правительство Блюма не является их виновником; что, наоборот, оно должно было стать их жертвой, как это и выразилось символически в том факте, что в числе — не стрелявших, а раненых выстрелами полиции оказался директор кабинета Блюма, т. Андре Блюмель, и что пострадал, к счастью не тяжело, и его министр внутренних дел, т. Марк Дормуа. И достаточно посмотреть, как реагировала на эти события вся консервативная и реакционная буржуазная печать, чтобы понять, в цепи какой политики события, подобные происшедшему 16 марта, являются нужным и потому рассчитанно подготовляемым звеном.

Именно потому, что успех займа и выставки может окончательно скрепить союз крестьянства и мелкой буржуазии Франции с французским рабочим классом и, сделав позицию Народного Фронта непреступными, дать его правительству возможность перейти, после «передышки», к выработке и осуществлению новой, еще более широкой и радикальной программы социальной реконструкции, — именно поэтому вся буржуазная реакция из кожи лезет вон, чтобы возможно скорее — еще «до выставки» — свалить правительство Блюма; именно поэтому она напрягает все усилия, чтобы разрушить **рабочую** основу этого правительства, и провести между ним и рабочим классом ту кровавую борозду, которую ей не удалось провести в период бурных забастовок; именно поэтому она систематически практикует методы **политической провокации**, главными агентами которой являются Лига «Огненных Крестов» Де-ля Рока, распущенная, но возродившаяся в виде формально легальной Французской Социальной Партии, и столь же легально замаскировавшаяся Французская Народная Партия другого претендента на роль французского Гитлера — мэра пригорода Сан-Дени Дорио, бывшего коммуниста и бывшего «почетного красноармейца».

Поводом к кровопролитию в Клиши послужила контр-манифестация рабочих против организованного Де-ля Роком для членов его «партии» кинематографического представления. Но французские рабочие хорошо знают, что за такого рода «невинными» фасадами — с участием, для вящего прикрытия, жен и детей — Де-ля Рок и Дорио устраивают по всей Франции на самом деле сборища своих «боевиков». Следствие выяснит, насколько правильны имеющие под собою веские основания предположения, что в ряды манифестировавших рабочих затесалось немало **прямых** фашистских провокаторов, которые и позаботились о том, чтобы вызвать столкновения с полицией. Но, что источником событий в Клиши явилась рассчитанная **политическая** провокация фашистов, в этом и сейчас не может быть сомнений. И лишь невольными, неразумными пособниками этой фашистской провокации оказались те ультра-левые, так наз. «троцкистские» элементы, которые, как говорит их орган «Коммуна» (Центральный Орган Коммунистической Интернационалистической Большевикско-Ленинской Партии для создания 4-го Интернационала — уф!), увидели в столкновении рабочих с полицией переход рабочих к «прямому классовому действию» и к усвоению «троцкистских» лозунгов низвержения правительства Народного Фронта и борьбы за французские «Советы».

Добиться кровопролития фашистским провокаторам удалось. Но им не удалось добиться той политической цели, ради которой они так систематически занимаются провокацией и в Париже, и во всей Франции. Им не удалось вырвать пропасть между правительством Блюма и рабочими массами; им не удалось разрушить Народный Фронт.

На провокацию в Клиши парижский пролетариат ответил полудневной всеобщей забастовкой. Но демонстрация эта, как определено и настойчиво подчеркивал в своей резолюции организовавший ее Парижский Совет Профессиональных Союзов, была направлена **не против** правительства Блюма, а **в поддержку** ему. Демонстрация эта, организованная экстремно, прошла вполне дисциплинированно, и рабочие снова встали на работу минутой в минуту в срок, указанный им их профессиональной организацией, еще раз подчеркнув своим образом действий высокую политическую культуру парижского пролетариата и его твердое намерение идти по избранному им пути Народного Фронта, не давая сбивать себя с дороги ни правым провокаторам, ни неразумным «ультра-левым» друзьям. С такою же организованностью и дисциплиною и так же под знаком скрепления Народного Фронта прошла и грандиозная манифестация по случаю похорон жертв 16 марта.

Точно так же несколько не пошатнулось и парламентское положение правительства Блюма. Наш номер идет в печать как раз тогда, когда в Палате обсуждаются интерpellации, связанные с событиями 16 марта. Но можно с уверенностью ожидать, что обсуждение это закончится новым парламентским триумфом Блюма. У коммунистов, в груди которых, конечно, как всегда желание демагогически использовать события в ущерб социалистам и в пользу своей партийной лавочки борется с желанием продолжать признанную ими правильной и необходимой политикой Народного Фронта, последнее желание все-же взяло верх, и они сочли даже нужным в резолюции своего Политбюро адресовать специальный комплимент по адресу радикальной партии, «престиж которой основывается на ее борьбе за республиканские свободы», и закончить резолюцию лозунгами: «все для Народного Фронта! Все через Народный Фронт!». Коммунисты не могли не понимать, что значат усилия всей буржуазной реакционной печати «уговорить» Блюма «отмежеваться» от «агентов Москвы». Но точно так же решили крепко держаться за Народный Фронт и радикалы, хотя резолюция их парламентской фракции и показывает, что формально-демократическому мышлению огромного большинства ее членов трудно мириться с такими, политически целесообразными и необходимыми, актами рабочей самодеятельности, как контр-манифестация против формально законных собраний формально легальных партий, хотя бы «партии» эти и были на деле нелегальной маскировкой распущенных лг, а собрания их преследовали заведомо преступные цели.

Но, хотя события в Клиши оказались бессильны поколебать сплоченность и прочность Народного Фронта, это не значит, что они пройдут бесследно для дальнейших судеб и для дальнейшей политики этого Фронта.

События эти показали, какую опасностью становятся «легально» замаскированные фашистские боевые дружины, какое нарастающее раздражение вызывают они в рабочих массах, и каким несовершенным орудием в руках правительства Народного Фронта является унаследованный им от прошлого и провизанный консервативными и реакционными элементами административный, полицейский и военный аппарат. **Окончательная ликвидация** хотя бы и «легализованных» лг, с одной стороны, **основательная и быстрая республиканская**

чистка государственного аппарата, с другой, становятся, несмотря на «передышку», очередными, настоятельными, жизненными лозунгами дня всего Народного Фронта без исключения. И, поскольку осуществление этих неотложных задач крайне затруднено для правительства, пришедшего к власти не революционным, а легальным путем и вынужденного поэтому держаться в рамках существующей легальности впредь до ее полного самоисчерпания, именно те — радикальные — элементы Народного Фронта, которые, по всем традициям своим, особенно держатся за «легальность», вынуждены будут поставить во всей широте вопрос о расширении «легальных» полномочий правительства в смысле борьбы с фашизмом и чистки государственного аппарата.

Но, помимо этих задач административного и полицейского характера, нарастающее провокационное наступление фашизма ставит перед Народным Фронтом в порядке экстренности ряд вопросов и социально-политического характера.

Фашизму не удается пробить брешь в рабочем фундаменте Народного Фронта и крестьянство, благодарное правительству за его политику регулирования цен на хлеб и другие сел.-хоз. продукты. Но он имеет попрежнему возможность пользоваться все усиливающейся поддержкой магнатов землевладения, финансового, торгового и промышленного капитала. И он имеет еще возможность рассчитывать на симпатии и поддержку довольно широких слоев мелкой буржуазии, разоряемой этим капиталом, но, как это было и в других странах, то и дело попадающей в расставляемые им же фашистские сети. **Наложить руку государства на капиталистические монополии**, эту основу мощи «двухсот семейств», и **прийти на помощь мелким ремесленникам, мелким торговцам, выбитой из колеи интеллигенции, голодающим мелким пенсионерам и безнадежно безработным старикам** — разрешение этих социально-политических задач становится необходимой социально-политической предпосылкой успешной административной и полицейской борьбы против фашистских дружин и чистки недостаточно приспособленного для этой борьбы аппарата.

Таким образом, кровавая трагедия в Клиши неизбежно приведет к сокращению срока «передышки» и к превращению самой «передышки» в подготовительный период к новым острым боям, которые заполнят собою новую фазу существования Народного Фронта и поставят перед ним новые задачи и новые перспективы. Но об этой грядущей новой фазе придется поговорить особо.

Ф. Д.

СЪЕЗД ИСПАНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

В середине января в Валенсии состоялся съезд Союза Объединенной Социалистической Молодежи Испании. На съезде присутствовали представители Соц. Интернационала Молодежи и Ком. Интернационала Молодежи. В президиум съезда кроме председателя тов. Видала был избран ряд министров, членов правительства Кабальеро, и делегаты поддерживающих это правительство партий, в том числе и несоциалистических.

Основной доклад представил генеральный секретарь Союза тов. Сантьяго Карильо: «На этом съезде, который собирается в первый раз после объединения социалистической и коммунистической молодежи, присутствуют кроме представителей нашей организации, также и представители анархистов, либералов, республиканцев и других юношеских организаций, поддерживающих правительство Ларго Кабальеро. В момент объединения наши организации насчитывали вместе 40.000 членов. Ныне в объединенном Союзе на 200.000 членов больше. Но это нас не удовлетворяет. Мы не хотим быть организацией одной или хотя бы двух партий. Мы стремимся стать государственной (национальной?) организацией молодежи Испании, организацией правительства, которое мы поддерживаем. Мы боремся за независимость Испании, за демократию, за парламентаризм. После нашей победы не произойдет так называемой «второй революции». Если об этом вам, анархистам и республиканцам, твердят троцкисты, гоните этих людей, которые срывают (?) единство демократической Испании. Нашей главной задачей в настоящее время является организация победы. Мы требуем создания регулярной армии под единым руководством, в которой должны раствориться все отряды добровольцев и милиции. Вслед за фронтом должен быть организован и тыл. Нужны ударные бригады молодежи на фабриках, ударные бригады в деревне, чтобы помочь крестьянам... На нашем съезде принимают участие представители Сим'а и Ким'а. Вы хотите поддержать нас в борьбе с фашизмом. Для этого вы должны объединить свои силы...»

Доклад об индустриализации и хозяйственных перспективах Испании прочитал проф. Хираль, сын министра — члена демократической партии.

Из выступлений отдельных ораторов приведем следующие:

Антония, участница противотанкового отряда: «Мы остаемся женщинами и вовсе не любим кровавое ремесло солдата. Но когда фашисты приблизились к Мадриду, мы спросили себя, какая участь ждет нас и наши семьи в случае их победы, и мы взяли за оружие».

Гальего, представитель крестьянской молодежи Андалузии, рассказал о смущении, овладевшем его товарищами, участниками боевых дружин, при известии, что республиканцы уничтожают церкви. «Не мы религиозны, а наши матери, а мы любим их. Поэтому мы выступили против разрушения церквей. Мы сказали нашим товарищам: пишите своим матерям, чтобы те спокойно ходили в церкви и просили бога даровать нам победу над фашистами». Тов. Гальего остановился также на аграрном вопросе в Андалузии и потребовал, подобно другим ораторам из крестьянских районов, раздачи земель бедному крестьянству и арендаторам. Он настаивал на отказе от попыток коллективизировать мелкие крестьянские хозяйства. «Крестьянин любит свою землю, он ее знает и хочет обрабатывать ее, а не какой-нибудь другой участок», — сказал он.

Последними получили слово представители обоих юношеских Интернационалов. От Сим'а выступил тов. Бек. Он передал горячий привет социалистической молодежи Европы своим испанским братьям и рассказал о той поддержке, которую Сим оказывает Испании совместно с организациями взрослых рабочих. «Об этой поддержке мы говорим мало, быть может, слишком мало, и о ней поэтому лишь немного известно. Несколько дней тому назад наш товарищ Мер, представитель шведского Комитета Помощи, привез из одной только маленькой Швеции 3,5 миллионов пезет. Тысячами насчитываются наши товарищи в рядах интернациональной бригады. Многие из них погибли, в том числе член нашей итальянской секции Фернандо де Роза. Друг погибшего де Роза, член Исполкома Сим'а, Умберто Тонелли является официальным представителем Сим'а при Интернациональной Бригаде».

От Ким'а выступил Михаил Вольф, приветствовавший конгресс также и от Комсомола. Он заявил, что Ким готов товарищески сотрудничать с Сим'ом в деле оказания помощи Испании.

В заключительном слове Сантьяго Карильо между прочим еще раз подчеркнул необходимость сотрудничества между 2-м и 3-м Интернационалами.

ПО РОССИИ

Москва.

О закулисной стороне последнего процесса мы здесь знаем, наверное, меньше чем вы за границей. Слухов, правда, ходит очень много. Рассказывают разные подробности о методах воздействия на арестованных, об арестах родственников, о расстрелах без суда тех, кого признали безнадежным с точки зрения получения от него «признаний», — расстрелах, порою производимых в присутствии тех, сломить сопротивление которых считается особенно важным. С другой стороны, передают, что кое-кто из униженно кающихся во время последних процессов и теперь официально числящихся в списках расстрелянных, на деле жив и здоров и помогает следователям склонять вновь арестованных к даче нужных «признаний». Передавать такие слухи нет смысла: что в них правда, что — вымысел, разоблачить теперь нет никакой возможности. Но существование их очень характерно: слушая их, приходишь к выводу, что в отношении власти советский обыватель всемоу может поверить. Если кто попробует выразить сомнение, в ответ всегда найдутся примеры из более или менее недавнего прошлого: а помните, что было, когда валюту «выколачивали»? А разве забыли, как таких-то или таких-то спецов допрашивали?

И еще характерно: обилие этих разговоров. Той атмосферы почти гробового молчания, которая окружала августовский процесс, теперь нет и в помине. Осторожно выбирая собеседников и озираясь по сторонам, но о процессах теперь начали говорить все — от видных коммунистов до рядовых обывателей, от крупных спецов до рабочих от станка. И если отбросить парадные речи и официально обязательные заявления, то надо признать, что власть, эти процессы поставившая, имеет очень «плохую прессу». Причем трудно разобрать, чьи отзывы хуже для этой власти: тех ли, кто считает процессы сплошными кровавыми фарсами, или тех, кто заявляют о своем доверии к покающимся осуждаемым. Последним процессам дали легальное основание едва ли не каждое несчастье рассматривать, как сознательное вредительство со стороны кого-либо из представителей власти. Никакое положение не избавляет от подозрений: «а разве не было примеров?», — отвечают на выраженные сомнения и приводят факты из «Правды».

«Ведь все они такие, — чем этот лучше Радека?»

Лучшего средства для дискредитации власти, чем эти процессы, трудно было бы и придумать. В конце концов их роль в известной мере можно сравнить с ролью рассказов о роли Распутина в деле дискредитации идеи монархии в последние перед революцией годы...

Впрочем, чаще приходится наталкиваться на отъезды, говорящие о полном недоверии к «разоблачениям», сделанным во время процессов. Мне пришлось несколько раз говорить с совсем незнакомыми железнодорожниками по поводу «признаний», сделанных на суде Лифшицем и Князевым, — и каждый раз приходилось слышать почти одинаковые ответы. После первых фраз, так сказать, официального характера о «мерзавцах-троцкистах», разговор неизменно срезжал на условия, в которых железнодорожникам приходится работать и которые делают неизбежными крушения. «Вот возьмите у нас...» И приводится целый ряд конкретных фактов о железнодорожных катастрофах, которые стали обычным явлением не на одной только Южно-Уральской жел. дороге, относительно которых собеседник очень хорошо информирован и которые вызваны изношенностью состава и усталостью личного персонала, вынужденного часто работать по 15-18 часов в сутки. Все эти факты, как две капли воды, подходят на те, про которые шла речь во время процессов, — и как-то невольно разговор подходит к выводу, что вредители действительно существуют, но только это — те, кто создает подобные условия труда...

Но чем больше недоверия к процессам в среде, так сказать, рядовых советских обывателей, — ибо и железнодорожник и рядовой рабочий с завода теперь принадлежат к этой последней группе, — тем обязательнее считает для себя власть делать вид, что факты установленные приговорами трибунала, являются бесспорной истиной, что она им верит на все сто процентов. Оспаривать их правильность нельзя не только в выступлениях перед внешним миром, но и в, так сказать, внутреннем обиходе. Нет никакого сомнения, что «для себя» многие из этих высших носителей власти превосходно знают правду, — конечно, много лучше чем мы с вами. Но эта правда держится ими про себя, а в разговорах друг с другом они все делают вид, что верят всем «признаниям», все исходят из них, как из не подлежащей сомнения истины. В результате получается не лишнее курьезности положение: процессы, заведомо для всех членов Политбюро инсценированные, становятся исходной точкой борьбы внутри этого самого Политбюро.

А эта борьба сейчас вступила в новую стадию.

Надо сказать, что газетные сведения, которые доходят до вас, не дают и слабого представления о действительном размахе проводимых сейчас репрессий. Процессам, которые так торжественно инсценируются на столичных подмостках, соответствуют многие десятки процессов, проводимых в провинции, — вплоть до самой глухой, — без какой-либо огласки, в порядке совсем уже скорострельного «революционного правосудия». А до трибуналов доходит ведь только небольшое количество начатых дел. Тем или иным репрессиям вообще за последние месяцы подверглось буквально несколько десятков тысяч человек, — в огромном большинстве коммунистов, начиная от занимающих самые высокие посты в партийной иерархии и кончая совсем мелкими стрелочниками партийного аппарата. То, что происходит теперь в последнем, напоминает настоящий геологический сдвиг, — проводимый с совсем стихийной, беспощадностью. Особенно жестоко пострадал этот аппарат на национальных окраинах, — на Украине, в Грузии, Армении, Баку, в Казакстане и т. д. Местами здесь не осталось буквально ни одного старого работника.

Но жестокой чистке подвергся аппарат и великорусских центров. Особенно пострадали здесь те группы коммунистов, которые были связаны с той или иной областью идеологической работы. Философы, историки, литературоведы, все эти преподаватели политграмоты, которых развелось так много особенно за последнее десятилетие, всевозможные политруки и политцензора, — все они перебраны и «проверены» с небывалой придирчивостью и беспощадностью. Именно из этих рядов набран главный контингент теперешних обитателей Лубянки. Все, кто имел в прошлом тот или иной уклон в сторону какой бы то ни было оппозиции; все, кто зарекомендовал себя человеком, хотя бы в малой степени способным отстаивать свою самостоятельность от «партикуловства», — все они по меньшей мере устранены от активной работы. Эти части партаппарата теперь заняты людьми безусловно «проверенными», вполне надежными.

Эта универсальная чистка не оставила незатронутой и самую верхушку партийной пирамиды: Политбюро. Упорно говорят, что несколько членов последнего взяты «под удар». Сильно пошатнулось положение Кагановича и Постышева, — Орджоникидзе от опасности спасла только смерть. Всем им ставят в вину непорядки в находившемся под их ведением аппарате. Как известно, заместители Орджоникидзе и Ка-

гановича на последнем процессе признали себя организаторами «троцкистского вредительства», и теперь Орджоникидзе и Кагановичу ставится в вину, что они не досмотрели. Вы, наверное, обратили внимание, что во время процесса Вышинский упорно ставил Пятакову вопрос: как могла оставаться его вредительская деятельность незамеченной его ближайшим начальством. Этим начальством был, как известно, Орджоникидзе. И действительно, если верить всему тому, что говорили на процессе про свою деятельность подсудимые, то совсем нельзя объяснить, как могли Орджоникидзе и Каганович не замечать систематического вредительства своих ближайших помощников? Здесь может быть только два объяснения: или они настолько лишены чувства «большевистской бдительности», что не замечают того, что творится у них под носом, — или они сами не многим отличаются от своих осужденных помощников. Атака на обоих на них велась весьма жестокая. Смерть Орджоникидзе ее оборвала, но едва ли положила ей конец.

Еще более тяжело положение Постышева, недавнего всемогущего вице-короля всей Украины. Его личный секретарь, пользовавшийся его безграничным доверием, арестован. НКВД утверждает, что он был давним и очень ответственным агентом немецкого райхсвера. Верно ли это обвинение, судить трудно. Нет никакого сомнения, что немцам удалось насадить свою агентуру в Союзе на самых ответственных местах. Но то фракционно-политическое использование, которое НКВД сделал из подобных обвинений во время последних процессов, заставляет с большой недоверчивостью относиться ко всем его утверждениям вообще. Во всяком случае Постышева теперь определенно обвиняют в недостатке бдительности и еще неизвестно, чем эта история для него кончится.

Все эти обвинения против членов Политбюро имеют большое общее значение: репрессии последнего времени несомненно поставили под угрозу тот состав Политбюро, который расправился со старыми оппозициями и провел политику первой пятилетки...

Репрессии в своей основе теперь направлены против партийного аппарата. Беспартийная интеллигенция, прямым объектом их не является и нередко даже попытки весьма ответственных носителей власти в личных разговорах с представителями такой интеллигенции уверить их, что им опасаться теперь нечего, что им никакой опасности не грозит. В этом, конечно, много верного. Беспартийная интеллигенция теперь перестала быть сколько-нибудь заметной величиной, — совсем не то, что было в годы Нэпа. С ее стороны никакой опасности для режима не грозит, претендентом на власть она не является. Для лиц, которые сейчас стоят во главе власти, опасными являются элементы внутри-партийные, поскольку они проникаются какими-либо оппозиционными настроениями и имеют легальную форму для общения между собою. Но меньше всего можно сказать, что у беспартийной интеллигенции сейчас спокойное и уверенное в ближайшем дне настроение. Из ее среды произведено тоже немало арестов: по линии связей с теми коммунистами, которые попали под удар. Таких связей беспартийный интеллигент раньше искал, как некоторой гарантии против внешних ударов террора. И сама власть требовала такие связи заводить, ставя официальным условием в ряде случаев предъявление беспартийными рекомендаций от двух партийцев. Поэтому еще недавно каждый беспартийный стремился заводить подобные знакомства и бывал рад, если ему удалось запросто бывать у кого либо из старых большевиков. Теперь положение радикально изменилось, и наиболее осторожные беспартийные предпочитают никакого личного общения ни с кем из коммунистов не поддерживать. На эту тему уже ходит ряд анекдотов, — о коммунистах, которые просят протекции у беспартийных профессоров и пр.

7 марта.

X.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 10/3, 18/3.

Отослано: № 7 и 8.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Новая Россия, № 23.

La Révolution Proletarienne, № 242.

Delnicka Osveta, № 2.

Zur Krise der SAP. Herausgegeben von den im Februar 1937 ausgeschlossenen Mitgliedern.

Bienstock Gregory. The Struggle for the Pacific. London, 1937.

Neuer Weg, Nr 1, Ende März 1937.

От редакции. — Следующий, двойной номер выйдет 25-го апреля.